

С. И. ОЖЕГОВ

О ТРЕХ ТИПАХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Ленинско-сталинская национальная политика, создавшая исключительно благоприятные условия для развития национальных языков, направила языковедную мысль в новые области. Со всей остротой встали вопросы оформления литературных языков народов, не имевших письменности или имевших ее на другом языке, встали вопросы широкой нормализации литературной речи. Создание словарей стало первой конкретной формой разрешения этих вопросов. Словарная работа получила поистине грандиозный размах. За годы после Великой Октябрьской социалистической революции созданы сотни двуязычных словарей разного объема и разных типов (русско-национальных и национально-русских). Словари не только расширяли научный кругозор языковедов, вовлекая в научный оборот лексику малоизученных или неизученных языков: утверждая нормы своего литературного языка и углубляя знание великого русского языка среди широких масс национальных республик и областей, словари становились рычагами культуры, существенными звеньями глубочайшего социального процесса, происшедшего в нашей стране, — культурной революции. Культурное и политическое значение словарей и словарной работы вышло далеко за пределы собственно филологических интересов. Началась работа по созданию и толковых словарей национальных языков.

Естественно, что лексикографическая работа в области двуязычных словарей для народов Советского Союза опиралась на давнюю и богатую традицию русских словарей. К опыту русских словарей обращались и такие богатые лексикографической традицией страны, как Армения и Грузия. Огромное значение русской лексикографии как базы для создания двуязычных словарей выявилось после того, как вышел в свет четырехтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, давший первый и достаточно полный свод словарного состава русского языка нашего времени. После Великой отечественной войны русская лексикография является опорой при создании двуязычных словарей в странах народной демократии и в других зарубежных странах, как об этом свидетельствует, например, недавно вышедший в Будапеште русско-венгерский словарь¹. Однако роль русской лексикографии не исчерпывается только тем, чтобы быть базой для двуязычных словарей. Ее роль шире и глубже. Прежде всего, русская лексикография становится образцом для создания словарей национальных языков. Так, С. Малхасянц, автор четырехтомного «Толкового словаря армянского языка», удостоенного Сталин-

¹ L. Hadrovics, L. Gáldi, Orosz-magyar szótár, Издание Венгерской Академии Наук, Будапешт, 1951.

ской премии, в предисловии к своему словарю особо отмечает пользу, принесенную ему «Толковым словарем русского языка» при окончательном редактировании армянского словаря², а проф. И. Иордан прямо указывает, что русские словари послужат образцом для создания словаря современного румынского языка массового типа³. Являясь своего рода энциклопедией языка, словари современного русского языка доставляют широкий материал для теоретических исследований в области современной лексикологии, грамматики, акцентологии, орфоэпии⁴. Русская лексикография служит базой для развертывания терминологической работы, имеющей существенное значение и для наших национальных республик. Русская лексикография является важнейшим источником распространения и укрепления норм русской литературной речи и повышения культуры вообще. Недаром радио, печать, школа в своей повседневной практике постоянно обращаются к словарям. Вместе с тем и за рубежом нашей страны словари русского литературного языка призваны содействовать и распространению русского языка и распространению принципов советского языкознания.

Ответственное положение, которое занимает русская лексикография советской эпохи, и важность культурно-политической роли, ею выполняемой в Советском Союзе и за его пределами, предъявляют русской лексикографии высокие требования. Эти требования еще более возросли в настоящее время, когда наука о языке гениальными трудами И. В. Сталина была направлена по новому пути. Характеризуя состояние научно-исследовательской работы последних лет в области изучения словарного состава, акад. В. В. Виноградов в своей книге «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания» отмечал, что именно лексикографическая работа дала особенно ценные и ощутительные результаты⁵. Однако положение лексикографии в целом нельзя признать удовлетворительным. Богатый практический опыт лексикографии не обобщался. Теоретические вопросы лексикографии часто решались от случая к случаю, что не могло не отражаться на качестве лексикографической практики. Теоретическое наследие русской лексикографии по сути дела не разрабатывалось. Теоретические вопросы ставились попутно в обзорно-историографических работах акад. В. В. Виноградова, в статьях члена-корр. АН СССР Е. С. Истриной и в критических рецензиях на словари. Работа акад. Л. В. Щербы по вопросам теории лексикографии прервалась и не была закончена.

Тяжелое положение теоретической работы в области лексикографии было непосредственно связано с господствовавшим в последние годы аракчеевским режимом в языкознании. Если в прежнее время крупнейшие русские языковеды, начиная с Ломоносова, словарную работу считали важнейшей частью научно-языковедного исследования, а многие крупные ученые — А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Я. К. Грот, А. А. Шахматов — принимали непосредственное участие в составлении словарей, то в период господства учения Марра словарная работа, вопреки прямым указаниям В. И. Ленина, призывавшего ученых к созданию современного словаря русского языка, была пренебрежительно объявлена ненаучной и

² См. статью проф. И. Кузика на в журн. «Советская книга», 1946, № 10—11.

³ Рецензия в журн. Института языкознания Академии Румынской народной республики «Studii și cercetări lingvistice», 1950, № 1, стр. 104.

⁴ Из последних трудов достаточно указать такие монографии, как, например, книга проф. Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение», М., 1950.

⁵ В. В. Виноградов, «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания», М., 1950, стр. 34.

ремесленной. Представителями «нового учения» о языке с благословения их «учителя» Н. Я. Марра словарная работа рассматривалась как ширма, которой отгораживались «идеалисты» и «формалисты» от «нового учения» о языке. Вся словарная работа, и практическая и теоретическая, была взята под подозрение, ибо она не могла строиться ни на марровской теории единства глоттогонического процесса, ни на теории стадийности развития языка. Аракчеевский режим задерживал развитие лексикографической теории, пытался развращать ее ложными идеями и разлагать практику лексикографической работы. Меньше всего пострадала внеакадемическая лексикография. Она не была организационно связана с марровскими центрами и потому легче выходила из-под ударов их теоретического воздействия. Более тяжелым оказалось положение академической лексикографии, попавшей под идейное воздействие теории Марра, которая была объявлена знаменем лексикографической работы. В ходе ее перестройки в духе «нового учения» о языке редакторы академических словарей заявляли, что «„новое учение“ о языке акад. Н. Я. Марра должно найти свое выражение в содержании Словаря и его структуре»⁶; что значение слова раскрывается на основе «конкретных достижений нового учения о языке акад. Н. Я. Марра; всюду, где есть для этого данные, значение слова или соотношение между отдельными его значениями должны быть показаны в их историческом развитии в классовом обществе»⁷; что фундаментальная перестройка в лексикографии производится «по мере того как удастся на деле провести в словарной работе принципы нового учения о языке»⁸. Живой материал языка подвергался насильственному антинаучному препарированию и антиисторической интерпретации. Отрицалась общенародность языка и выдвигалось положение о наличии нескольких классовых русских языков. Так, согласно проекту словаря современного русского литературного языка, слова *вотчина*, *помещик* и т. п. должны были отмечаться как слова феодальной формации, а *жандарм* и *министр* — буржуазной формации. Древнерусский язык должен был подвергнуться полному расчленению. В нем, кроме «общеупотребительных» слов и слов с неустановленной «социальной принадлежностью», должны были быть выделены, согласно проекту, слова посадского языка, крестьянского языка, языка рабочих плотников, сапожного ремесленного диалекта и т. п. Выдвигалась теория диффузной семантики древнерусской лексики. Иногда производилось подкрашивание под «новое учение» тех приемов и методов, которые и раньше, но на других основаниях, практиковались в русской лексикографии. Так, гнездование слов, обратный порядок расположения значений и многое другое было искусственно поставлено на службу глоттогоническим и стадийным «теориям».

Руководствуясь учением И. В. Сталина о языке, необходимо разоблачить не только явные отражения, но и скрытые пережитки марровских установок, еще бытующие иногда в той или иной форме в теории и практике лексикографии, особенно в плане антимарксистской теории о «классовости» языка и лексики в частности.

Поэтому, как справедливо утверждает акад. В. В. Виноградов, «разработка теории лексикографии на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания становится одной из актуальных задач советской линг-

⁶ «Проект словаря современного русского литературного языка», Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 4.

⁷ Там же, стр. 26.

⁸ Б. А. Л а р и н, Проект древнерусского словаря, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 6.

вистики»⁹. Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе и об их историческом развитии в неразрывной связи с историей народа, положенное в основу теории лексикографии, явится твердой базой усовершенствования, углубления и расширения всех отраслей лексикографической практики.

* *

Великая Октябрьская социалистическая революция не сразу оказала свое влияние на развитие лексикографической мысли. В первые годы революции еще только закладывались основы нового общества, новые языковые стихии еще только осваивали себе место в составе литературного языка; границы самого литературного языка, становившегося достоянием широких народных масс, обнаруживали необычайную подвижность и зыбкость. Широко пополнялся словарный состав, отражая новые идеи, отношения и быт. Со всей остротой вставал вопрос о культуре речи.

В 1920 г. В. И. Ленин, предвосхищая дальнейшее развитие лингвистической мысли, со всей решительностью ставит вопрос о необходимости создания нового словаря русского языка. Характеризуя словарь Даля, В. И. Ленин 18 января 1920 г. писал А. В. Луначарскому: «Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка?»¹⁰ Так возникает идея словаря советской эпохи, получившая осуществление спустя несколько лет. Одновременно В. И. Ленин выдвигает другую, практическую задачу — создать «краткий (*малый* «Лярусс» образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию»¹¹. Для реализации указания В. И. Ленина при Главнауке Наркомпроса вскоре был образован редакционный комитет, и работа началась при большом количестве сотрудников. В. И. Ленин до конца дней интересовался ходом составления словаря. Но осенью 1923 г. Наркомпрос, не удовлетворенный работой комитета в том виде, в котором она велась, счел целесообразным работу по словарю временно прекратить. Печальный конец этой работы имел глубокие внутренние причины. В сущности, не были ясны задачи словаря: его будущая структура была очень расплывчата — еще не были осознаны процессы развития литературного языка и изменения, которые не просто ложились инородным пластом на старый строй языка, но входили в него живым компонентом, создающим новые взаимоотношения всех — и старых и новых — элементов литературного языка. Трудно еще было учесть и новый характер связей литературного языка с диалектами, городским просторечием. Сущность новой, становящейся нормы была неясна, между тем как цели словаря были нормативные. В качестве «новых» привлекались материалы из художественной литературы, главным образом предреволюционной поры. Рядом с Маяковским широко использовались материалы из символистов и дореволюционной лирики; наряду с выписками из М. Горького широко были представлены второстепенные произведения предреволюционной буржуазной прозы.

⁹ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» и развитие советской науки о языке, Изд-во «Правда», М., 1951, стр. 21.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 369.

¹¹ Там же, стр. 421.

Понятно, что на этом разнородном материале, который по замыслу должен был быть собран с большой полнотой, трудно было обосновать и документировать семантику современного русского языка в революционную пору. Всем ходом вещей эта первая попытка была обречена на неудачу.

К исходу 20-х годов выявляются предпосылки для развертывания лексикографической работы. Уже созданы были основы нового, социалистического общества. Обозначился характер новых явлений в словарном составе, яснее сложилось представление о тенденциях развития литературного языка наступающей социалистической эпохи. Глубокий общественный интерес к вопросам нормы литературного языка немало содействовал уяснению языковых процессов современности.

В 1929 г. происходит перестройка словарной работы Академии Наук. По новому плану «Словарь русского языка» — теперь «Толковый словарь с о в р е м е н н о г о русского языка, взятый в историческом развитии»¹². Привлекавшийся ранее материал диалектных и письменных источников от середины XVIII в. до наших дней значительно пополняется лексическими материалами из энциклопедических словарей, справочников, специальных изданий и учебников, вышедших во время революции, из произведений советской литературы, из газет и журналов, из общественно-политических сочинений. Но принципы и структура словаря не изменились: это был тот же шахматовский thesaurus (словарь — «сокровищница»), но пополненный свежими материалами. Принцип включения любого зарегистрированного слова, при интенсивном росте картотеки за счет ничем не ограниченного репертуара источников, привел к гипертрофии шахматовского принципа, к отрицанию здоровых начал шахматовского плана. Понятие русского слова в словаре начинает расплываться и стираться. Словарь не только некритично относится к далаевским образованиям вроде *алкач*, *даровщик*, *маивать*, *макароничий*, но и помещает причудливые образования индивидуального писательского творчества, вроде *акмеистик*, *жертвогадатель*, *дамство*, *акростиший*, французские слова, написанные писателем по-русски, вроде *а жан*, *алиерувер*, *аларм*, случайно встретившиеся в новых или старых газетах сокращенные слова и образования вроде *академбой*, *активистовский*, *аламанчик*, или узко специальную научно-техническую, медицинскую и прочую терминологию, независимо от того, современная она или принадлежит к младенческой поре развития науки, как, например, *дамассин*, *майзена*, *медриль*, *дальнописец*, *магазинно-офицер*, *аллантийз*, *аллийнция*. Применявшиеся без особой систематичности стилистические указания не сообщали словарю нормативного характера.

Назревал вопрос о создании нового, нормативного словаря русского языка советской эпохи. В 1928 г. группой филологов выдвигается его проект. Задачи словаря, его структура, принципы установления лексических границ литературного языка и стилистической дифференциации лексики в основном были разработаны В. В. Виноградовым, а вопросы нормализации произносительной и морфологической стороны принадлежали главным образом Д. Н. Ушакову. Двенадцатилетний труд завершился выходом «Толкового словаря русского языка» (1935—1940 гг.), первого словаря русского языка советской эпохи.

После «Словаря Академии Российской» и словаря акад. Я. К. Грота проблема нормативности поставлена «Толковым словарем» в более широком масштабе, на почве более широких научных представлений и в более сложной социально-языковой обстановке. Самым трудным в построении нормативного словаря является определение конкретных форм совершен-

¹² «Словарь русского языка», т. I, вып. 2, Л., 1933, Предисловие.

ствования общенародного языка, пополнения словарного состава и отмирания отживающих элементов. Необходим был анализ словоупотребления формирующегося советского общества, советской интеллигенции. Живые лексические процессы, в которых отражались и новые общественные идеологические отношения, создавали новое взаимоотношение активного и пассивного лексического запаса в литературном языке, новые стилистические и эмоциональные оценки. Эти процессы в языке и должен был представить «Толковый словарь». Акад. Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии»¹³ в своей классификации типов словарей назвал «Толковый словарь» «более или менее компромиссным словарем», стоящим между идеальным нормативным и словарем-справочником типа словаря Даля. Действительно, наличие в «Толковом словаре» слоев лексики пассивного запаса (в широком понимании этого слова) сближает его с типом словаря-справочника по терминологии Л. В. Щербы. Но в этом, между прочим, заключается то понятие нормативности, которое свойственно нашей эпохе, особенно 30-м годам, времени больших изменений в словарном составе литературного языка. Стремлением отразить живые процессы в современном языке определялась структура словаря. Это отразилось прежде всего на принципах определения лексических границ литературного языка. Отпадала устаревшая лексика, связанная со старым бытом и понятиями, но удерживались архаизмы, стилистически оправданные в современном языке. Широко включались новые образования, отражавшие новые социальные явления и воплощавшие прогрессивные тенденции литературного языка. Не находили себе места диалектизмы или просторечные элементы, лишенные экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи. Получили известное ограничение специальная терминология узкого употребления (научная, техническая, ремесленная и т. п.) и заимствованная лексика. Достаточно полно, по сравнению со многими предшествующими словарями, представлена фразеология. Получили нормативную регламентацию формы слов, ударение и произношение, представлены в традиционном духе «московской нормы». Проблема нормализации употребления лексики литературного языка и периферийных сфер, включенных в словарь, разрешалась детально разработанной системой классификации слов по сферам употребления. Слова или отдельные значения характеризовались принадлежностью их к той или иной стилистической разновидности устной или письменной речи, к тому или иному историческому пласту, к лексике определенной экспрессивно-эмоциональной оценки. Наличие в словаре широко проведенной нормализации более всего отмечалось критикой. «Правильному употреблению со стороны стилистической, — писал член-корр. АН СССР Л. А. Булаховский, — данное пособие учит впервые, и работа, проделанная его авторами для разграничения разновидностей устной и письменной речи, исторической перспективы языка, эмоциональных оттенков и под., представляет в русской лексикологии новый важный этап»¹⁴.

Создание нормативного словаря — дело лингвистически ответственное; принципы его построения несовместимы с принципами генетических изучений. Недаром А. А. Шахматов — историк нормализацию языка не считал делом науки. Но ведь лингвисту не только ведомы пути развития языка, он сам — носитель языка коллектива. Поэтому он не только регистрирует и объясняет факты языка, но, как проникательный участник языкового творчества коллектива, сам становится законодателем норм. Поэтому так важно лингвисту, создателю нормативного словаря, проникнуть в языковой

¹³ «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1940, вып. 3, стр. 96.

¹⁴ «Курс русского литературного языка», изд. 2-е, Харьков, 1937, стр. 96.

дух эпохи. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова усиленно выполнял эту задачу. Поэтому так неоднороден состав его томов: он создавался на всем протяжении 30-х годов и отразил в себе все колебания в лексике, свойственные той эпохе.

«Толковый Словарь русского языка», как справедливо говорит в статье «Толковые словари русского языка» акад. В. В. Виноградов, «подводит итоги предшествующей работе над составлением словаря литературного языка» и «пускает в широкий общественный оборот достижения академической традиции в области лексикографии»¹⁵.

В 1949 г. вышел однотомный «Словарь русского языка», который по принципам составления тесно примыкает к четырехтомному «Толковому словарю». Он создавался в то время, когда нормы русского литературного языка в эпоху уже сложившегося социалистического общества определились с большей четкостью, нежели это было в 30-е годы. Словарь ставил своей задачей отразить эти нормы. Это коснулось многих сторон словаря: состава слов, иллюстративных примеров, фразеологии, отбора значений в многозначных словах, унификации произносительной и акцентологической стороны и т. д. Многие стороны словаря, в том числе вопросы стилистической классификации, отбора слов, вопросы омонимии, требуют дальнейшей разработки¹⁶. Этот словарь — попытка создания массового словаря, преследующего цели повышения культуры речи.

В конце 30-х годов произошла реорганизация академического словаря, приведшая к выходу в 1948—1950 гг. первого и второго томов из пятнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка». На его составе, как говорилось об этом вначале, отразились идейные воздействия «нового учения» о языке, что во многом исказило облик словаря, внесло противоречия в его содержание. Однако по типу своему этот словарь, продолжая и несколько видоизменяя старые академические традиции, содержит здоровые начала, которые не могли быть уничтожены псевдонаучной фантастикой «нового учения» о языке. В этом издании словаря идея создания thesaurus'a окончательно оставлена. Основной состав словаря составляет лексика литературного (в широком смысле) русского языка, в том виде, как он сложился с начала XIX в., с пушкинской поры. Словарь строится как толково-исторический, иначе — как словарь современного языка с широкой исторической перспективой¹⁷. Эта установка сближает новый словарь с первоначальным замыслом акад. А. А. Шахматова¹⁸, так как историческая перспектива создается именно благодаря включению обильного языкового материала из произведений писателей прошлого века.

Подводя итоги, следует признать, что в области общих словарей языка русская советская лексикография, используя богатый опыт дореволюционной лексикографии, достигла известных положительных результатов. Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: большой, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; средний, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического

¹⁵ Сб. «Язык газеты», М.—Л., 1941, стр. 390.

¹⁶ См. рец. Н. Ю. Шведовой в журн. «Советская книга», 1949, № 10.

¹⁷ Ср. статью В. И. Чернышева «Принципы построения академического словаря современного русского литературного языка» в журнале «Русский язык в школе», 1939, № 2.

¹⁸ См. статью чл.-корр. АН СССР Е. С. Истриной «А. А. Шахматов как редактор словаря русского языка» в «Известиях АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1946, вып. 5.

многообразие современного литературного языка, и, наконец, краткий и популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи.

* * *

К разграничению трех типов общих словарей русского языка советская лексикография пришла в процессе практической работы, в процессе выполнения насущных требований советской общественности. Советские лексикографы творчески использовали классическое наследие русской лексикографии в новых общественных условиях, когда лексикография стала одной из форм пропаганды культуры речи, пропаганды норм общерусского литературного языка. Жизнь показала практическую рациональность этих типов словарей, удовлетворяющих различным запросам. Однако несомненно, что полезный эффект словарей неизмеримо возрастет, если они будут построены на правильных методологических основаниях марксистского языкознания. Особенно это относится к тем словарям, которые, стремясь к нормализации языка, как бы узаконивают тем самым будущие пути его развития. Поэтому теперь, после появления гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, первоочередной задачей советской лексикографии является проверка методологических основ обозначившихся типов словарей, перестройка, усовершенствование их структуры в свете сталинского учения о языке и разработка новых, более совершенных типов толковых словарей. Это особенно важно потому, что теперь лексикография должна стать тем разделом языкознания, который в форме общедоступных практических пособий по языку будет содействовать внедрению в народные массы конкретных знаний о языке в свете гениального учения И. В. Сталина.

Основным вопросом при методологическом обосновании типов словарей современного языка и тесно связанных с этим принципов лексического отбора является вопрос о границах современного литературного русского языка. Что следует понимать под «современным» языком? Вопрос этот до появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания не получил удовлетворительного для лексикографии разрешения. Практика нашей лексикографии связывала границы современного языка с именем Пушкина, но обычно легко переступала эти границы, если находила за их пределами явления, встречающиеся доньше. Большинство работ, относящихся к исследованию или описанию норм современного языка, весьма показательны по отсутствию надежных методологических установок. Явления русского языка от Пушкина до наших дней рассматривались как бы существующими в одной плоскости, без учета своеобразия исторического развития. Так, современные колебания в произношении оценивались в сопоставлении с чистотой идеальных норм так называемого московского произношения, хотя последнее являлось исторической категорией, развивавшейся и изменявшейся на всем протяжении XIX в. вплоть до наших дней. Характерна в этом отношении статья Д. Н. Ушакова «Русская орфоэпия и ее задачи»¹⁹, впервые давшая произносительный кодекс старой «московской нормы» и ставшая знаменем борьбы со всеми, даже закономерно возникавшими и развивавшимися колебаниями и изменениями в произношении. Для подтверждения колебаний в современном языке в области морфологии привлекались языковые явления из произведений писателей начала XIX в., хотя эти явления давно исчезли из общенародного языка современности и были характерны для

¹⁹ Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, новая серия, вып. III, Л., 1928.

раннего времени нового периода развития русского литературного языка. Так, например, Е. С. Истрина, рассматривая колебания в устно-разговорной разновидности современного литературного языка, пишет: «Влиянием народных говоров объясняется употребление мягких форм именительного падежа множественного числа некоторых прилагательных кратких (в сказуемом: *ради, сыти, пьяни, голодни*), что довольно обычно в устной речи, в частности в московской; ср. слова Чацкого: «*Вы ради? В добрый час*» («Горе от ума», д. I, явл. 7)²⁰. Ясно, что эта форма не есть факт колебания в современном языке. Для него это устарелая, отжившая форма. Эти общие, по сути дела неисторические представления о границах современного русского литературного языка с отсутствием исторического расчленения явлений развития языка на разных этапах, от Пушкина до наших дней, отражались и на трактовке лексического состава в наших словарях (например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова), главным образом в переоценке роли архаизмов в составе языка, роли некоторых слоев терминологии, в недостаточной характеристике развития значений в словах, претерпевших семантические изменения на протяжении XIX — первой четверти XX в.

Только сталинское учение о языке внесло полную ясность в этот вопрос. В самом деле, общенародный русский язык, являющийся продуктом ряда эпох, оформляясь и развиваясь, в пушкинскую эпоху пришел в отношении структуры языка — его основного словарного фонда и грамматического строя, — а также в отношении многих пластов словарного состава к такому качеству, которое делает его близким к языку наших дней. Структура пушкинского языка, учит И. В. Сталин, сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина.

Положения И. В. Сталина предохраняют нас от механистического понимания современного языка. Действительно, пушкинский язык — основа современного языка, основа, продолжавшая в течение XIX и XX вв. совершенствоваться, обогащаться, шлифоваться. Каждый новый этап в развитии общественности накладывал свой отпечаток на словарный состав языка. И. В. Сталин учит, что словарный состав языка «...находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй»²¹. С каждым новым этапом развития появлялись новые слова и выражения, изменялись значения, выпадали из словарного состава устаревающие слова. Следовательно, на каждом новом этапе развития общественности происходили изменения в соотношении лексических элементов, нарождались новые черты лексической системы. Поворот в развитии общественности, связанный с ростом революционно-демократического движения, принес, как известно, новые, своеобразные черты в развитие словарного состава русского литературного языка не только в отношении роста лексики, но и в отношении семантических изменений. Наблюдательные современники отмечали эти процессы. Н. В. Шелгунов писал, что нигилизм «взялся

²⁰ «Нормы русского литературного языка и культуры речи», Изд-во АН СССР, М., — Л., 1948, стр. 16.

²¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 11.

за критику слов и понятий», что он был «первой попыткой реального мышления сделать смотр и дать им (словам.—С.О.) более жизненный смысл»²². На всем протяжении своего развития словарный состав прошел ряд этапов, и трудно отрицать, что словарный состав советской эпохи также отличается такими чертами своеобразия, которые выделяют его как новый этап в развитии лексики. Сопутствующие изменения в стилистической системе языка, а также протекающие крайне медленно процессы неравномерного совершенствования отдельных элементов грамматического строя, акцентологической и произносительной системы еще отчетливее подчеркивают своеобразие этапов развития русского литературного языка от Пушкина до наших дней.

Так, например, развитие словарного состава литературного русского языка, отражавшее становление буржуазных отношений и рост революционно-демократического движения во второй половине XIX в., значительно обогатившее словарный состав и знаменовавшее новый этап в развитии языка, сопровождалось такими процессами в области произношения, которые укрепили московское произношение как единую национальную литературную произносительную норму. Высказывания А. К. Толстого по вопросу о новых принципах стиховой рифмы отражали именно эти процессы.

Правильное разрешение вопроса о границах современного русского литературного языка и об этапах развития русского литературного языка от Пушкина до современности обуславливает правильное решение проблемы языковой нормы. Действительно, что такое объективное развитие языка как становление его норм? Если язык развивается в обществе, обслуживает нужды общества, если люди, социальные группы, классы не безразличны к языку, не безразличны в оценке явлений языка, то это значит, что норма есть система наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, система, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

В свете такого понимания норм современного языка яснее очерчивается внутреннее содержание и состав разных типов словарей современного языка, а сама классификация словарей может получить методологическое оправдание.

Действительно, с этой точки зрения четко определяется состав большого словаря современного русского языка. Это должен быть словарь современного языка с исторической перспективой, раскрывающей динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней. В связи с таким пониманием задач большого словаря уточняются задачи наметившихся в советское время типов среднего и краткого словарей: они раскрывают с большей или меньшей полнотой актуальный словарный состав нашей эпохи в его стилистическом многообразии.

Задачи, которые стоят перед словарями разных типов, определяют их структурные различия. Прежде всего это касается принципов отбора слов. Большой словарь с возможной полнотой включает лексику художественных и общественно-публицистических произведений XIX—XX вв., широко отраженную (систематически употребляемую) в художественной и отчасти в публицистической литературе областную речь и просторечие

²² Н. В. Шелгунов, Соч., т. I, СПб., 1895, стр. 722.

разных типов, как выразительные средства литературного языка, терминологию и разговорную речь с ее типичными фразеологическими штампами, характерными для разных периодов развития литературного языка. Средний, а тем более краткий словари включают из этих разрядов в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общности.

Основой для всех типов словарей должна являться богатая, разносторонняя картотека произведений художественной и не художественной литературы. Только хорошо продуманная картотека, учитывающая всех безусловно значительных по своему общественному влиянию авторов, может служить прочной базой для отбора слов в разные типы словарей. Действительно, такая картотека, отражающая характер движения словарного состава, может служить надежным критерием для определения употребительности или изолированности слов, общности или единичности значения. С другой стороны, индивидуальное лексическое словоупотребление и словотворчество, если оно отвечает тем или иным лексическим потребностям общества и в особенности, если оно исходит от авторитетного или популярного мастера слова, может переходить в широкую общинную речь. Не только общественная терминология, как, например, слова *нигилизм*, *нигилист*, испытывает эту судьбу. Любые лексические средства, отвечающие общим потребностям выразительной речи, могут попадать в общее употребление. Характерно в этом отношении свидетельство С. В. Максимова в его воспоминаниях об А. Н. Островском: «подхваченные на сцене слова и выражения уже разносились по Гостиному двору, ...уходили в деревни, прямо в народ»²³. «Много слов, — пишет С. Максимов в другом месте, — взятых из его (Островского. — С. О.) произведений, прошло в обиход, и досужливому наблюдателю не трудно будет выделить их и занести как новшество и особенность в словарь, подобно словам „метеорское звание“, „доказать“, „патриот своего отечества“, „черты из жизни“ (на красных носках невоздержных гуляк) и проч., за которыми скрываются целые представления и картины, обрисовываются оригинальные характеры и живые типы»²⁴. К числу подсобных, но важных источников для изучения движения словарного состава относятся (для времени с 40-х гг. XIX до начала XX в.) разного рода справочные и терминологические словари, энциклопедии, словари иностранных слов, словари неправомерностей и орфографические, недостаточно оцененные в нашей лексикографической практике. Как правило, наша лексикографическая практика для определения наличия слова следует по таким вехам, как Словарь Даля в первом и втором изданиях и в издании под редакцией И. В. Бодуэна-де-Куртене и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, пропуская промежуточные звенья. И потому, вследствие плохой изученности лексикографических и справочных источников, в новейших словарных работах оказываются пропущенными, незафиксированными словарные явления, существенные и важные для понимания движения словарного состава. Так, слово *листва*, давно вошедшее в состав общенародного языка, впервые было зафиксировано только «Толковым словарем» Д. Н. Ушакова, а слово *государственность* не попало даже в последний по времени однотомный «Словарь русского языка» 1949 года.

Богатство и разносторонность словарного состава русского языка общепризнаны. Тем труднее и сложнее проблема отбора слов для словарей

²³ А. Н. Островский, Соч., т. XI, Изд-во «Просвещение», стр. 169.

²⁴ Там же, стр. 144—145.

разных типов. Особенно это касается некоторых разрядов производных слов. Богатейшие словообразовательные возможности русского языка, о которых так верно говорил Н. Г. Чернышевский, создали необыкновенную выразительность и вместе с тем пестроту в обозначении одинаковых, однородных или сходных понятий. Если для среднего и краткого словарей (чисто нормативных), отражающих сравнительно ограниченный этап развития словарного состава, дело отбора словообразовательно параллельной лексики представляется более или менее ясным, то для отбора в словарь, рисующий историческую перспективу развития лексики, лексикографическая практика встречается с рядом трудностей.

Еще в конце XVIII — начале XIX вв. люди старшего поколения становились втупик перед лавиной новых образуемых слов. «Зараза выдумывать и ковать новые слова, — писал акад. Румовский, — ныне так распространилась, что в сем едином многие полагают свое достоинство и красоту языка российского, и стремлению сему положить преграду толь трудно, как реке, из берегов своих выступающей»²⁵.

На разных этапах развития литературного языка по-разному складывались продуктивные и непродуктивные типы суффиксации. Многие из них лишь позднее установились как продуктивные или непродуктивные и легко использовались в параллельных образованиях, из которых одни выживали, иные впоследствии отпадали, хотя для своего времени могли быть в разряде активных. Для некоторых разрядов слов, как, например, для существительных со значением действующего лица, пестрота усиливалась заимствованными словами. Так, например, в XIX в. рядом со словом *прозаик* существовало *прозаист*²⁶, *пропагандист* (Даль) и *пропагатор*²⁷, *фотограф* и *фотографист*²⁸, *гипнотизёр* и *гипнотизатор*²⁹. у Ф. М. Достоевского для обозначения писателя или художника, изображающих типичные явления жизни, употребляются слова *типичник* и *типист*³⁰. В наше время, наряду со словом *дипломник* (студент, готовящий дипломный проект), употребляется *дипломант*, *проектировщик* и *проектант*. В области прилагательных в XIX в.: *порывчатый*³¹ и *порывистый*, *отрывчатый* («отрывчатое восклицание») и *отрывистый*, *отчетистый*³² и *отчетливый*, *волосистый* («Ну, брат, погоди еще, — перебил волосистый художник») и *волосатый*. Рядом с *комфортабельный* — *комфортный*: «мебель... мягкая, комфортабельная»³³. Рядом с *эластичный* — *эластический*: «...опустившись на эластический шелковый диван»³⁴. Не менее богато параллельное глагольное словообразование (и образование отглагольных существительных) с суффиксальными элементами *ировать-овать* и *ывать-ать*. Например, при современном *корректировать* у М. П. Погодина: «статья *прокорректирована* дважды»³⁵; при существовавшем *оправляться* у И. И. Дмитриева «начал было *оправливаться* после долговременной болезни»³⁶; при

²⁵ Письмо П. И. Соколову 16 октября 1803 г. в кн. М. И. Сухомлинова, «История Российской Академии», т. VII.

²⁶ И. И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, Соч., т. II, стр. 38.

²⁷ Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. IV, стр. 79.

²⁸ Н. Языков, журн. «Дело», 1875, № 2.

²⁹ Л. Н. Толстой, «Плоды просвещения», д. III, явл. 4.

³⁰ Ф. М. Достоевский, т. XI, стр. 90 и 92.

³¹ Ф. М. Достоевский, т. II, стр. 12.

³² Д. М. Григорович, Повести и рассказы, т. V, стр. 143.

³³ Н. А. Некрасов, Полн. собр. сочинений и писем, т. IX, стр. 455.

³⁴ Д. М. Григорович, т. V, стр. 144.

³⁵ Ф. М. Достоевский, т. VIII, стр. 163.

³⁶ Д. М. Григорович, т. III, стр. 198.

³⁷ Письмо к М. А. Максимовичу 11 дек. 1870 г., сб. ОРЯС XXXI, стр. 118.

³⁸ И. И. Дмитриев, Письмо А. И. Тургеневу, Соч., II, стр. 271.

существовавшем *оцениваться* у Н. А. Некрасова: «в коловратный наш век таланты не *оцениются*»³⁹. Не менее массовы параллели в глагольном словообразовании, связанном с образованием вторичного несовершенного вида от приставочного совершенного на всем протяжении XIX в. и до наших дней, типа *брошюровать* — *сброшюровать* — *сброшюровывать*, *фасовать* — *расфасовать* — *расфасовывать*. Ср., например, у Н. Лескова: «Я *оробеваю* и *пужаюсь* при всяком знаке недоверия»⁴⁰. Явления параллельности в глагольном словообразовании вообще очень многообразны. Так в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. приведены как однозначные слова *соперничать* и *соперничествовать*, *совершенствовать* — *усовершеншать* с совершенным видом *усовершенствоваться* — *усовершеншить*. Все формы подтверждаются тогдашним употреблением. «*Соперничествуя* с Ломоносовым он (Сумароков) не сознавал в нем гениального человека»⁴¹, — пишет П. А. Плетнев. «Этот талант *усовершил* он сам собою, чтением теорий и опытом», — пишет акад. М. Лобанов⁴². У А. Е. Измайлова: «*Усовершила* все, что начато Петром»⁴³. Лексическая пестрота усугубляется обилием образованных по продуктивным в данный период словообразовательным моделям новых слов, появляющихся в связи с многообразными потребностями, в том числе и стилистическими, и не всегда четко дифференцированных по значению. Их своеобразие в том, что они обычно не закрепляются в языке, не лексикализуются, не входят прочно в словарный состав, а существуют как живая потенция. Ср. у П. А. Плетнева: «Карамзин и Жуковский, *одушевители* молодого поколения писателей»⁴⁴. У А. А. Потебни: «Сочинитель или *применитель* басни сам ясно видит обобщения»⁴⁵, у Л. Н. Толстого: «когда я выходил, то меня учтиво провожал *показыватель*»⁴⁶. Внутри словообразовательно параллельных разрядов лексики с недифференцированным значением не все одинаково гибко, подвижно, неустойчиво. Одни из параллелей на всех этапах развития языка могут представляться лексически равноценными, иные равноценны лишь в известные периоды, иные становятся архаизмами или «неправильностями», иные получают ту или иную стилистическую оценку (ср. *скидывать* и *скидать* в значении несовершенного вида).

Подход к отбору этих разрядов лексики в разных типах словарей не может быть одинаков. Ясно, что краткий словарь нормативного типа включает только одну, активную форму параллели, соотносясь вообще с лексической значимостью параллельных образований. Нормативный словарь среднего типа может расширить круг параллелей включением стилистически отличающихся форм. Большой словарь с исторической перспективой не может пройти мимо лексики этих разрядов без тщательной оценки исторической роли параллельных форм на разных этапах развития языка. Основным критерием оценки являются прочное наличие тех или иных параллелей в письменных источниках и сравнительная устойчивость той или иной словообразовательной параллели в зависимости от характера основы и суффиксации.

Ясно, конечно, что при наличии семантической дифференциации в параллельных словообразовательных разрядах, углубленной и стилистическими различиями, как, например, *принесение* — *принос* — *прине-*

³⁹ Н. А. Некрасов, Три страны света, стр. 217.

⁴⁰ Письмо к Аксакову в кн. В. Гебель, Н. С. Лесков, ГИХЛ, 1945, стр. 33.

⁴¹ П. А. Плетнев, Соч. и переписка, т. II, стр. 35.

⁴² М. Лобанов, Жизнь и соч. И. А. Крылова, СПб., 1847, стр. 65.

⁴³ А. Е. Измайлов, Полн. собр. соч., т. I, стр. 379.

⁴⁴ П. А. Плетнев, Соч. и переписка, т. II, стр. 80.

⁴⁵ А. А. Потебня, Из лекций по теории словесности, Харьков, 1894, стр. 30.

⁴⁶ Л. Н. Толстой, Крейцеров соната, гл. XI.

шение или убийство — убиение — убивание — убой — убивка — убитие, вопросы отбора для всех типов словарей разрешаются по общему принципу лексической значимости.

Отбор словообразовательно параллельных разрядов лексики облегчается тем, что он тесно связан с грамматическим критерием оценки. Значительно труднее и обычно субъективнее бывает отбор тех слов, употребление которых связано с лингвистическими вкусами общества на разных этапах его развития, с обозначением переходящих явлений общественной жизни, с необходимостью подчеркнуть индивидуальную, своеобразную суть явления. Слои эти чрезвычайно многообразны и требуют специального изучения.

К ним можно отнести прежде всего разряд слов-подёнок, возникающих обычно в разговорной или публицистической речи для обозначения случайных, несущественных явлений быта. Они могут быть очень активны в течение короткого времени; но, представляя собой обычно название по случайному признаку, понятному только в обстановке данного времени, они быстро уходят со сцены. Среди них выделяются, например, названия предметов обихода: *румынки* (название высоких дамских ботинок, существовавшее в первые годы революции), *татьянка* (название дамской шляпы с широкими полями особого фасона, существовавшее в предреволюционные годы и в первые годы революции), *профитка* (род экономической свечи; название, существовавшее в середине XIX в.)⁴⁷. Сюда можно отнести и замененные названия явлений, продолжающих существовать, например, *американка* (закусочная с высокими столами, за которыми едят стоя, а также небольшая мастерская по ремонту и чистке одежды; название, вышедшее из употребления после войны). К словам-подёнкам можно отнести и многие шутливо-иронические образования вроде *разбайрониться*⁴⁸, *нувеллист* в том значении, о котором пишет С. П. Жихарев: «Со времени войны с французами появился в Москве особый разряд людей под названием «нувеллистов», которых все занятие состоит только в том, что собирать разные новости, развозить их по городу и рассуждать о делах политических»⁴⁹. В середине XIX в. таких людей уже называли *газетчиками*⁵⁰. Ясно, конечно, что элементы лексики, характеризующиеся как слова-подёнки, не могут иметь места в составе даже словаря большого типа, ибо они — далекая периферия словарного состава. Однако это не значит, что они должны остаться вне лексикологического изучения. Они дают интересный материал для изучения закономерностей развития словарного состава. Собираание их может войти в задачу особого словаря с историко-бытовыми комментариями.

К словам-подёнкам примыкают слова, возникающие в узких общественных кругах и представляющие собой специфические обозначения тех или иных явлений жизни. Это слова жаргонного типа. Но они могут выходить за пределы узкого круга и на известное время становиться достоянием более широкого употребления. И если они по своим словообразовательным основам имеют тесные и понятные связи с основами словарного состава общенародного языка, то относительная устойчивость их увеличивается. Сюда относятся такие слова дворянско-интеллигентского употребления как *сластун* (ср. у Д. В. Григоровича: «Боткин взял роль сластуна, брюзгливого и ворчливого статского советника»⁵¹), *клубничник* (ср. у Ф. М. До-

⁴⁷ Михельсон, 30 000 иностранных слов..., М., 1874.

⁴⁸ Журн. «Вестник Европы», 1830, № 7, стр. 200.

⁴⁹ С. П. Жихарев, Записки современника, II, стр. 195.

⁵⁰ Бурдон и Михельсон, Полн. словарь иностр. слов, Спб.— М., 1885.

⁵¹ Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, журн. «Русская Мысль», 1893, ч. II, стр. 62.

стоевского: «ненавижу клубничку и клубничников»⁵²). К этой группе жаргонных по происхождению слов принадлежат и многие заимствованные слова, как, например, *пшют*, *воляж*, *фраппировать*, *антураж* и т. п. Словарь большого типа должен с особой внимательностью отнестись к отбору этих слов. Свидетельства современников и правильная оценка общественной значимости слова могут служить критерием отбора. Поэтому понятно, что такие узкие жаргонные слова, как *шикар* в значении фат человек, обладающий шиком⁵³, не могут быть допускаемы и в словарь большого типа. С другой стороны, заслуживают внимания для включения в большой словарь такие слова, которые в последующем развитии словарного состава отпали, но которые, возникнув вне жаргонных условий, были достоянием разговорной речи как меткие обозначения характерных явлений. Таково слово *павлиниться*, включенное в Словарь 1847 г. и в Словарь Даля и естественно не зафиксированное «Толковым словарем» под редакцией Д. Н. Ушакова. Оно прозрачно по своему образованию: обозначение действия или состояния от названия животного, которому приписываются какие-нибудь признаки, свойства (ср. *петушиться*, *собачиться*, *лисить* и т. п.). В языке жив образ — сравнение хвастуна с павлином, кичливо распускающим хвост⁵⁴. Его без специфической стилистической установки применяет В. Г. Белинский: «по понятию его быть генералом — значит чваниться и павлиниться перед низшими»⁵⁵.

Такого же внимания в большом словаре заслуживают слова или отдельные значения, которые в последующем развитии словарного состава были по разным причинам вытеснены синонимами. Ср., например, такие пары: *скрепился* — *сдержался*: «Почти все рассмеялись. Я кое-как *скрепился*»⁵⁶; *накидка* — *набросок*: «Любил делать первые *накидки* своих басен на лоскутках»⁵⁷; *усилился* — *усовершенствовался*: «Первого (французского языка) он не любил, а в последнем (в немецком языке) *усилился* чтением»⁵⁸; «язык *усилился*, уразнообразился»⁵⁹.

Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка. Речь идет главным образом о терминах-отдельных словах, так как составные термины (словосочетания), за исключением вошедших в общее употребление (типа *железная дорога*, *политическая экономия* и т. п.), обычно относятся к сфере узко специального употребления и, как правило, не принимаются в расчет при обсуждении терминологических вопросов в словарях⁶⁰. Ясно, конечно, что словарь большого типа должен с возможной полнотой отражать терминологическую лексику. Однако отсюда не следует, что он должен без разбора включать в себя любую терминологию энциклопедических словарей XIX и XX вв., словарей иностранных слов, часто насчитывавших свыше сотни тысяч заимствованных слов в русском языке⁶¹. Из терминологии, бытовавшей в словарном составе

⁵² Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. IV, стр. 159.

⁵³ Михельсон, 30 000 иностранных слов, М., 1874.

⁵⁴ Ср., например, использование этого сравнения у Н. Г. Чернышевского в письме к И. С. Тургеневу (Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 332).

⁵⁵ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, М., 1948, стр. 177.

⁵⁶ Ф. М. Достоевский, Полн. собр. худож. произв., т. VIII, стр. 314.

⁵⁷ М. Лобанов, Жизнь и сочинения И. А. Крылова, Спб., 1847, стр. 48.

⁵⁸ Там же, стр. 68.

⁵⁹ К. Зеленецкий, Исследование значения, построения и развития слова человеческого, М., 1837, стр. 61.

⁶⁰ Впрочем, это является особой проблемой, заслуживающей специального обсуждения.

⁶¹ Словарь Бурдона и Михельсона в издании 1865 г. содержал 30 000 слов, а через 20 лет, в издании 1885 г., уже 115 000 слов! Ясно, что в подавляющем большинстве это были слова-подёнки.

русского языка с XIX в. и затем отпавшей, и в большой словарь должна включаться только та, которая отражала существенные явления в развитии науки, техники, искусств. Таковы, например, старые физические термины *теплород*, *магнетизм*, военные *люнет*, *флеш* или еще памятные, но теперь отпавшие общественно-политические термины *дауэсизация*, *оптант* и т. п. Вряд ли необходим подобный разряд терминологии в общих словарях среднего и краткого типов.

При отборе терминов одного круга понятий обычно стремятся представить в исчерпывающей полноте видовую терминологию данного рода, считая это наиболее обоснованным решением вопроса. Так, если даются слова *квадрат*, *конус*, то должны быть даны все названия геометрических фигур; если есть *сталактит*, то должен быть дан *сталагмит*; то же относится, скажем, к названиям геологических эр, семейств растений или животных и т. п. Однако вряд ли это можно считать правильным. В действительности не наблюдается совпадения по значимости круга терминов основных и частных понятий науки и техники и круга терминов общего, общенародного употребления, которые только и могут иметь место в общих словарях языка, являясь средством общения вне данной научной или технической сферы. Так, для химии одинаково важна вся терминология периодической системы элементов. Однако, с точки зрения лексического обихода общенародного языка, не следует включать даже в большой словарь такие названия элементов как *актиний*, *радон*, *ксенон*, *гафний*, *индий* и т. п. Вместе с тем мы знаем, что состав общеизвестных названий элементов расширяется, и при этом расширяется тогда, когда термин выходит за пределы только химической терминологии и становится достоянием таких отраслей техники, знание которых необходимо всем говорящим. Такова судьба таких терминов как *висмут* и *радий* (применение в медицине), *уран* (в связи с открытием атомной энергии), *неон* (ср. особые осветительные неоновые лампы). Для краткого и даже среднего типа словаря вряд ли необходимо включение термина *недокись* и даже *закись* при наличии *перекиси* и *окси*. Следовательно, решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль.

Таков далеко не исчерпывающий круг вопросов, связанных с отбором лексики в разные типы словарей. В общем задачи формирования словарника разных типов ныне существующих словарей сводятся к следующему. Большой словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного общенародного литературного языка и вышедшую из употребления, но характерную для развития словарного состава лексику. Средний словарь включает в себя активный и пассивный запас лексики современного языка. Краткий словарь обнимает активный запас современной лексики с привлечением той лексики пассивного запаса, которая необходима с той или иной точки зрения для характеристики современного языка.

Один из серьезных и сложных вопросов словарной практики — это вопрос об омонимах. Как бы ни подходить к определению омонима, ясно, что за исключением традиционных омонимов (*ключ*, *печь*, *коса*, *брак* и т. п.) выделение омонимов не может быть одинаковым в разных типах словарей. Словарь, раскрывающий исторические перспективы развития слова, к проблеме омонимов должен подойти иначе, чем словарь живой структуры современного языка. С ростом производных слов, с дифференциацией словоупотребления происходит нарушение былых грамматико-семантических связей, облегчается вычленение омонимов. Для современного языка слово *жалованье* явно распалось на омонимы: с одной стороны,

это действие по глаголу *жаловать* (слово устарелое), с другой — это синоним слова *зарплата*. Разделение этого слова на омонимы в большом словаре было бы известного рода модернизацией, разрушающей живые семантические связи, ибо в XIX в., судя по употреблению этого слова, в нем сохранялись отпавшие теперь звенья семантического развития слова: от значения действия по глаголу через значение вообще результата действия к узкому значению предметности (деньги за работу). Аналогична судьба отглагольного существительного *образование*, у которого в современном языке нарушились былые грамматико-семантические связи с глаголом и которое уже в новом, омонимическом значении обросло производными. Слова *бега*, *скачки*, образовавшиеся в результате развития омонимии с обозначающими действие по глаголу существительными *бег*, *скачка*, для XIX в. в большом словаре вряд ли могут быть выделены как омонимы, так как они, употребляясь и в единственном числе, были тесно связаны семантически с отглагольными существительными. Ср., например, у Д. В. Григоровича: «представь себе, в последний раз *на бегу* такой случай выпел»,⁶² или «да что же это наконец такое? и вы не *на скачке*?»⁶³.

Особый случай представляют слова, образованные от одной основы, но в разное время и независимо друг от друга и лишенные внутренних семантических связей: *ночник* — ночной извозчик в середине XIX в. и новое — *ночник* — летчик, специалист по ночным полетам; *ударник* — солдат ударных батальонов времен Февральской революции и *ударник* — член ударной бригады на предприятии; *западники* — название представителей одного из общественных направлений XIX в. и *западники* — недавно появившееся слово для обозначения представителей западных империалистических стран на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Подобного рода слова в любых типах словарей, повидимому, должны быть представлены как омонимы.

Классификация и определения значений в словарях разных типов также не могут не иметь серьезных различий. Они достаточно ясны на примере только одной стороны семантической структуры словарей. Основной словарный фонд, как известно, не остается неподвижным. Он изменяется, развивается. В словах основного словарного фонда могут утрачиваться некоторые значения, иногда, может быть, и основные, и на месте основного значения могут выступать новые, образовавшиеся в порядке так называемого сужения значений. Так, в слове *спица* отпало общее значение — заостренная короткая палочка, тычинка и сохранились как основные только значения спицы у колеса и спицы вязальной. Только словарь большого типа должен включить отпавшее ныне значение, тем более, что именно с ним связано уменьшительное *спичка*, из которого в процессе распадаения сочетания *зажигательная (серная, фосфорная) спичка* образовался впоследствии омоним.

Вопрос о порядке значений — один из важных в словарной практике. Тенденция приблизить словарь к современности путем выдвижения более актуальных значений на первое место проводится иногда механически. Между тем разные типы значений слов и особенно из основного словарного фонда требуют дифференцированного подхода. В словах, значения которых развились в процессе сужения или расширения значений, легко допустимо выдвижение более актуальных значений. Так, в слове *вера* значение «убежденность» и в XIX в., несмотря на показания словарей того времени, выдвигалось как общее, а значение «религия» как специализированное, суженное. Иное дело в словах, новые значения которых

⁶² Д. В. Григорович, Повести и рассказы, т. I, стр. 207.

⁶³ Там же, стр. 208.

возникали в процессе метафорического, переносного применения основного значения. Нарушение исторического порядка значений в таких словах, как, например, *жертва* ведет к искажению семантической перспективы и разрушает очевидные семантические связи с фразеологическими выражениями и производными словами. Эти соображения особенно существенны в словаре большого типа.

Новые в системе литературного языка слова, с XIX в. входившие в основной словарный фонд, имеют свою семантическую историю. Следует ли в большом словаре давать в исторической последовательности значения таких слов, как *быт*, *класс*, *пролетариат*, *нация*? Ведь современное значение слова *быт* оформилось в первой четверти XIX в., современные значения слов *класс*, *пролетариат* оформились окончательно в марксистской литературе, хотя и применялись значительно раньше в русском языке. Современное значение слов *нация*, *народность* оформилось только в трудах И. В. Сталина в процессе разработки большевистской партией национального вопроса. А для времени Даля, да и позднее, слово *нация* лишь входило в общий синонимический ряд со словами *народ*, *народность*, *национальность*. В период своей «предистории» слова этого типа не имели четких семантических границ. Поэтому наиболее целесообразным было бы в качестве основного значения выдвигать то, которое оформилось как значение общенародного языка, а те оттенки или значения, которые предшествовали этому, должны оговариваться особо.

Требуют дальнейшего уточнения и исследования вопросы стилистической классификации слов. Повидимому, в большом словаре, отражающем историческое развитие современной лексики, следует отказаться от оценочной стилистической характеристики. Она очень изменчива и неоднородна для разных этапов исторической действительности, и существующая стилистическая номенклатура, приноровленная к живой структуре языка нашего времени, приводит нередко к искажению в перспективе стилистического развития.

Уточнения требуют и вопросы грамматической, произносительной и акцентологической характеристики слова. Ведь «...словарный состав, взятый сам по себе, — учит И. В. Сталин, — не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка»⁶⁴. Он «получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка...»⁶⁵. Поэтому показ грамматического и звукового оформления слова и синтаксических возможностей его приобретает огромное значение для словаря. Чем точнее указания словаря в этом отношении, тем лучше он выполняет свою роль. Особенно важен для словаря показ лексических и фразеологических единиц, представляющих собой материал для несвободных, принудительных лексических связей. Сюда относятся, например, слова с ограниченной сочетаемостью или лексически застывшие синтаксические связки (*с тем, чтобы; так что* и т. п.), слова с индивидуальной морфологической и акцентной характеристикой, не учитываемой грамматиками (например, *прошел одну версту* и *прошел с версту, сёстрам, но всем сестрам по серьгам, судьбы народа, но какими судьбами* и т. д.). Словарь, рисующий историческую перспективу, должен с возможной полнотой показать развитие лексики в этом отношении, тем более, что в процессе роста несвободных или «индивидуальных» сочетаний в последующие эпохи выкристаллизовываются новые значения слов. Для характеристики оформления разных типов словарей в акцентологическом

⁶⁴ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1951, стр. 23.

⁶⁵ Там же.

отношений можно указать такой пример. В большом словаре для форм настоящего времени от глагола *варить* (*варить* — *váришь*) должна быть отмечена историческая последовательность в произношении их от Пушкина до наших дней. В словаре, учитывающем стилистическое многообразие литературной речи, должна быть указана форма *варить* как устарелая. В строго нормативном кратком словаре эта устарелая форма может отсутствовать.

Лексикографическая кодификация словарного состава современного русского языка, осуществленная в разных типах словарей с различными структурами, основанными на изучении исторической динамики развития современного литературного языка, открывает широкие перспективы. Подобные словари, прежде всего, явятся мощным средством распространения углубленных знаний о русском языке, о его богатстве и выразительности, средством, облегчающим непосредственное общение между братскими народами Советского Союза, мощным средством для повышения культуры речи. С другой стороны, словари современного языка, построенные на правильных методологических основах, создадут надежную материальную базу для исследования закономерностей развития словарного состава. Доведение до конца словаря древнерусского языка и создание словаря литературного языка XVIII в. позволят поставить на твердую почву историческое изучение русской лексики в свете сталинского учения о языке.

* * *

Далеко не полный перечень вопросов, связанных со структурой разных типов словарей, показывает насущную необходимость пересмотра существующих словарных планов в свете сталинского определения современного русского литературного языка. Необходима дальнейшая детальная теоретическая разработка многих лексикографических проблем с тем, чтобы практика советской лексикографии полностью основывалась на гениальном сталинском учении о языке.
